

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОНЦЕПТА ОХОТЫ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1880-х гг.¹

Рассматривается вопрос о концептуализации мотива охоты в раннем творчестве А.П. Чехова (1878–1883). Движение от мотива к концепту отражает процесс становления художественной манеры писателя, в частности принципов характерологии, включающих в себя синтез эпического и драматического начал. Содержание концепта охоты в произведениях раннего Чехова исследуется в контексте освоения и развития тургеневской традиции русской беллетристики 1880-х гг. В круг анализа впервые вводятся материалы журнала «Природа и охота». Исследование мотива охоты в творчестве А.П. Чехова представляет интерес в плане изучения своеобразия художественной манеры писателя, в частности характера соотношенности эпического и драматического в его произведениях.

Ключевые слова: мотив охоты; концепт охоты; ранний Чехов; журнал «Природа и охота».

Мотив охоты как одной из характерных форм проявления национальной жизни, закреплённой многовековой традицией, вносит в произведения искусства мощный эпический потенциал, открывающий возможность для широкого изображения жизни общества². Драматический потенциал мотива охоты, органически связанный с эпическим, определяется противоречивой сущностью охоты как процесса, отличающегося внутренней парадоксальностью: соединением в одной категории страстного желания овладеть (настичь, поймать, захватить) и одновременно истребить предмет охоты. Определение сущности феномена охоты, появившегося ещё в античной литературе, дал А.Ф. Лосев: «Для характеристики образа охоты и у Платона и у других греческих писателей необходимо иметь в виду не просто одно слово “охота”, но и все действия, связанные с охотой: охотиться, преследовать, выискивать, догонять, овладевать, бороться, ловить, ускользать, убегать, скрываться и пр.» [3. С. 295].

Значение мотива охоты определяется его континанцией с онтологическими мотивами, реализующими диалектику быта и бытия. Экзистенциально связанный с мировидением героев мотив обретает концептуальность и, претерпевая эволюцию, органично входит в поэтику чеховского творчества. Бытование мотива охоты в мировом искусстве, начиная с Античности, обнаруживает универсальность закона метафоризации как способа философского, нравственного, эстетического его осмысления применительно к сфере духовной жизни человека.

Внимание Чехова к образу охоты, открывающего возможности широкого эпического изображения русской национальной жизни в её провинциальном бытовании, было обусловлено амбивалентной природой этого образа, присутствием в его структуре драматического содержания. По точному определению В.Г. Одинокова, Чехову «прежде всего нужно было сохранить эпическую широту жизненного материала при обостренном драматическом конфликте» [4. С. 25].

Ко времени начала творчества Чехова в русской литературе сформировался и получил художественное воплощение концепт охоты с эпической доминантой в его содержании. Эталонный образец концепта охоты был представлен в «Записках охотника» И.С. Тургенева,

в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова, в произведениях Л.Н. Толстого³. Содержание литературного концепта охоты, сформированного в эпоху 1840–1860-х гг. и отразившего состояние общественной и художественной мысли, было связано с утверждением значимости и мощи национальной целостности русского общества, глубиной понимания сложности человеческого бытия, философским осмыслением жизни человека в соотношении с миром природы.

Становление Чехова-писателя происходило в период формирования новой нравственно-философской и художественной концепции человека, характеризующейся ориентацией на литературную традицию 60-х гг., в том числе и тургеневскую, и одновременно отталкиванием от нее в поиске идей и форм, отвечающих запросам нового времени.

Интересный материал для осмысления особенности чеховской эстетики и поэтики при разработке мотива охоты дает исследование раннего творчества писателя в контексте журнальных публикаций на тему охоты на страницах «Природы и охоты»⁴.

Чехов был читателем и автором этого журнала. Во второй половине октября 1883 г. он писал брату Ивану: «Получаю “Природу и охоту” как сотрудник. Это толстые книги. Читаю в них описания аквариумов, уженья рыбы и проч. Нового пропасть узнал. Хорошие есть статьи, вроде аксаковских. Летом пригодятся. Если будешь на будущий год обитать в провинции, то буду высылать тебе этот хороший журнал. Там и про головлей найдешь и про пескаррей. У меня он за весь год» [6. С. 90].

В журнале «Природа и охота» [7. Т. 4, № 11. С. 75–84] вышел рассказ писателя «Он понял!» – первая публикация с авторским именем «А. Чехов». Рассказ, написанный в мае–июне 1883 г., имел жанровый подзаголовок «этиюд», а в конце рассказа следовало указание на время и место создания: «29-го Июня 1883 г. Воскресенск» [Там же. С. 84] – документальное свидетельство, соответствующее духу научно-беллетристического журнала.

В письме от 22 ноября 1886 г. Чехов делится с Н.А. Лейкиным своими размышлениями о судьбе авторов «Природы и охоты» – талантливых людях: «Возьмите “Русскую мысль” за октябрь и обратите внимание на журнальную хронику (разбор журналов).

Там Вы увидите рецензию на рассказы, помещаемые в "Природе и охоте". Судя по выдержкам, авторы талантливы, но не сознают этого. <...> Пишу Вам сие вот для чего: не найдете ли Вы целесообразным пригласить сотрудников "Природы и охоты" работать в "Осколках"? Фамилии, которые я уже забыл, Вы найдете в "Русской мысли", а приглашение можно будет сделать через редакцию "Охоты". Свежие люди!» [6. С. 275].

Из уст Чехова, автора уже опубликованных рассказов, среди которых были такие, как «Ванька», «Святой ночью», характеристика «талантливые», «свежие люди» говорит о многом. Из всего этого следует, что Чехов был хорошо осведомлен в вопросах охоты, в том числе рыбной ловли; высоко ценил искусство С.Т. Аксакова в изображении природы; был внимателен к документальной и беллетристической литературе, широко и разносторонне рисующей быт русской провинции и национальные характеры.

Будучи тесно связанным с беллетристикой 1880-х гг., вырастая в рамках этой системы, Чехов в постановке проблемы личности уже с первых произведений отличался от авторов «Природы и охоты», что проявилось в содержании и поэтике концепта охоты в его произведениях.

В произведениях авторов журнала охота выступает нередко предметом специального исследования⁵, выполняет сюжетную функцию⁶. Концептуальность мотива охоты носит традиционный (тургеневский) характер, связана с ориентацией на философскую идею универсальной целостности мира природы и человека⁷, национального единства и включает в себя изображение провинциальной жизни, быта, занятий, чувство красоты природы.

Так, в рассказе П.К. Еремеева «Охота за вальдшнепами» [7. Т. 1, № 3. С. 35–47] в описании поездки на охоту героя, страстно увлеченного охотой с гончими, дается характеристика разных охотников («знакового офицера Каширского полка», Иосифа Врочинского, «завязтого охотника Ивана Борысевича», местных немцев – жандарма и смазчика), зарисовка сцен охоты на вальдшнепов и зайцев, и – как обязательный элемент – поэтическое изображение природы и чувств: «Ночь была темная и сырая, по бокам дороги находился лес, вершины которого едва обозначались на темном фоне неба. Чем больше я всматривался, тем сильнее и сильнее охватывало меня какое-то чувство – не то радости – не то благоговения. Я остановился. Тихо... Ни единый звук не нарушал безмолвие леса... Темнота казалась таинственной... – Вот книга, в которой можно читать о величии Творца, – невольно подумалось мне. Между деревьями блеснул огонек... Я направился туда и скоро обрисовалась какая-то черная масса. Это был постоянный дом» [Там же. С. 38].

В «Записках мелкотравчатого» (1883) Е.Э. Дряньского⁸ изображается подготовка и сама псовая охота, участниками которой становятся страстные охотники: «Однажды, сидя в просторном зале за обеденным столом у графа Атукаева, в кругу двадцати человек общих соседей – псовых охотников, я, как страстный

ружейник, заспорил горячо о преимуществах ружейника перед борзятником» [7. Т. 1, № 3. С. 4]. Охота, изображаемая как страсть, имеющая длительную историю от истоков цивилизации, осмысливается Дряньским в процессе равной борьбы человека и зверя. Страсть охотиться вызвана стремлением познания мира природы и в то же время подчинения ее нерушимых законов своим социальным интересам – поимке добычи: «<...> охотники <...> начали съезжаться к дороге: у всех висело в тороках по несколько зайцев» [7. Т. 3, № 9. С. 82]. Как отмечает В. Гуминский, «повествование в "Мелкотравчатых" ведется от первого лица, лица бывшего ружейного охотника, совершающего свое первое охотничье путешествие в составе псовой охоты и на наших глазах, вместе с нами постигающего всю ее "науку" (в том числе и язык). Но за литературным образом рассказчика <...> стоит сам автор, этот мир прекрасно знающий и понимающий» [11. С. 12].

Юмористические ситуации и характеристики героев-охотников, встречающиеся в этих рассказах, не разрушают эпической модели мира повествователей, а служат цели показать богатство и разнообразие национальных типов, людей из разных социальных слоев, разной степени образованности, разного темперамента и поведения, но наделенных единой страстью – к охоте.

Чехов, разделяя внимание авторов журнала к изображению рядовых героев-охотников из провинции, подробно описывая быт и нравы глубинной России, с самого начала творчества акцентировал внимание на драматическом характере русской жизни.

Показательно, что впервые мотив охоты был введен Чеховым в пьесе «Безотцовщина» (1878), где драматическая форма оказалась органично сопряженной с эпическим живописанием быта и поведения героев. Важно отметить тот факт, что сам мотив охоты выступает в двух разных по содержанию смыслах.

В 1877 г. в письме к брату Михаилу Чехов замечает: «Дражайший Брат Миша! Я сейчас сделал 2 выстрела: один в забор из ружья, другой в Сапу из-под пера» [6. Т. 1. С. 17]. Сказанная в шутку фраза о выстреле из ружья обнаруживает художественную чуткость и проницательность начинающего писателя, уловившего игровое начало мотива охоты. В пьесе «Безотцовщина» игровая, художественная амбивалентность мотива проявляется в функционировании его в двух разных по смыслу контекстах. Очень важно, что впервые мотив охоты Чехов вводит в структуру именно драматического произведения, используя игровой характер данного мотива, хотя в пьесе он еще не получает и не раскрывает свой амбивалентный потенциал.

Разговор об охоте возникает в репликах Ивана Ивановича Трилецкого, «полковника в отставке» [10. Т. 11. С. 6], желающего взять на охоту своего внука, а затем и «молодую вдову» [Там же. С. 6] Анну Петровну. Желание приучить внука к охоте связано со стремлением Трилецкого привить любовь к древнему занятию и сохранить традиционные устои дворянского быта и семейной жизни:

«Иван Иванович. Ну да, ну да... Духовно... Скажи ему, Сашурка, чтоб скорей рос. На охоту возьми с собой... Для него я уже и двустволочку маленькую приготовил... Охотника из него сделаю, чтоб было кому после смерти свои охотничьи причиндалы оставить...»

Анна Петровна. Душка этот Иван Иванович! Мы с ним на Петров день перепелов стрелять поедем.

Иван Иванович. Го-го! Мы, Анна Петровна, на бекасов поход устроим. Мы на Бесово болотце полярную экспедицию устроим...

Анна Петровна. Попробуем вашу двустволочку...» [10. Т. 11. С. 22].

Функция бегло введенного мотива охоты носит эпически-описательный характер и служит характеристике жизни провинциального дворянства. Эпический потенциал мотива охоты связан с фигурой Ивана Ивановича Трилецкого, «живого отца», хранящего память семейных, национальных традиций – обучения охоте, приобщения к естественным законам, утверждающим необходимость связей в отношениях отцов и детей.

Другой же контекст, в который входит мотив охоты, носит разрушительный характер, он сопряжен с мотивом супружеской измены: *«Жду до четырех часов в беседке около четырех столбов. / Пьяный муж уехал с молодым Глагольевым на охоту. Вся твоя С.»* [Там же. С. 115–116]. Продолжением развития мотива измены, появившегося в пьесе в связке с мотивом охоты, становится тема разлада семейно-родовых, гендерных взаимоотношений (Платонов и Саша, Анна Петровна, Софья Егоровна, Марья Грекова).

Таким образом, в «Безотцовщине» в содержании мотива охоты обнаружена и использована его амбивалентная структура, но пока амбивалентность не получила концептуальной наполненности в том смысле, что она рассредоточена между героями, не будучи универсальным средством психологической характеристики всех персонажей.

Разработка мотива охоты в рассказах Чехова 1881–1883 годов⁹ («Петров день», 1881; «Двадцать девятое июня», 1882; «На волчьей садке», 1882; «Он понял!», 1883 и др.) дает представление о развитии художественного сознания Чехова, принципов характерологии и повествования, проявившихся, в частности, в процессе концептуализации мотива охоты. Используя эпический потенциал мотива охоты и опираясь на тургеневскую традицию, Чехов одновременно вступает с ней в полемику, направляя внимание на исполненную драматизмом духовную жизнь современного человека.

Рассказ «Петров день» в рукописном варианте имел другое заглавие, измененное Чеховым при публикации: «Двадцать девятое июня (Шутка). (С удовольствием посвящается гг. охотникам, плохо стреляющим и не умеющим стрелять)» [10. Т. 1. С. 567]. Уже в самом подзаголовке обозначен полемический вызов традиционному представлению об охотниках как людях страстных, увлеченных, владеющих искусством стрельбы¹⁰.

Как у Тургенева в «Записках охотника» и во многих рассказах авторов журнала «Природа и охота», ранние рассказы Чехова написаны от лица героя-повествователя, участника охоты. Однако принципиальная новизна Чехова заключалась в эстетической установке на изображение в этом повествователе самого обыкновенного, заурядного героя, в отличие от повествователя «Записок охотника», человека глубокого философского ума, наделенного художественным вкусом, тонким чувством красоты природы. Чеховский повествователь представляет самую среду. Именно мироощущение обыкновенного человека становится главным предметом исследования, той призмой, через которую пропущены события охоты.

Рассказ «Петров день» открывается фразой, вводящей в рассказ повествователя мотив охоты: *«Наступило утро желанного, давно снувшегося дня, наступило – урааа, господа охотники!! – 29-е июня... Наступил день, в который забываются долги, жучки, дорогие харчи, тещи и даже молодые жены, – день, в который г. уряднику, запрещающему стрелять, можно показать двадцать кукишей...»* [10. Т. 1. С. 67].

Через описание участников поездки на охоту создается представление об обитателях и нравах города: «многочисленную публику» составляли «отставной гвардии корнет Егор Егорыч Обтемперанский», «молодой доктор», «архангельский мещанин Кузьма Больва, старичок в сапогах без каблуков, в рыжем цилиндре, с двадцатипятифунтовой двустволкой и с желто-зелеными пятнами на шее», «отставной генерал», «Ваня, племянник, юноша-гимназист с длинной одностволкой через спину», «длинный и сухой преподаватель математики и физики в Ваниной гимназии, г. Манже», «брат Егора Егорыча, отставной капитан 2-го ранга Михей Егорыч».

Особенность содержания чеховского концепта охоты, в отличие от тургеневского, в этом рассказе состоит в том, что преобладающая стихия в изображении героев – комическая. Праздник оборачивается скандалом. Герои, отличающиеся друг от друга возрастом и социальным положением, схожи отсутствием взаимоуважения, грубым тоном общения. Например, генерал, после того, как компания охотников, отправившись на тарантасах к болотам, затем к «казенным лесам», забыла на сенокосе Больву, нисколько не пожалел о случившемся: *«– Ну, чёрт с ним! – решил генерал. – Не ворочаться же за ним!»* [Там же. С. 74]. Михей Егорыч, «невыносимейший в мире человек, известный всей губернии скандалист» [Там же. С. 69], только появившись в сюжете, сразу же начал бранить своего брата: *«– То такое, – закричал Михей Егорыч, – что ты Иуда, скотина, свинья!.. Свинья, ваше превосходительство! Ты отчего не разбудил меня? Отчего ты не разбудил меня, осел, я тебя спрашиваю, подлеца такого? Позвольте, господа... Я ничего... Я его только поучить хочу!»* [Там же. С. 69].

Чехов акцентирует внимание на выявлении смешного и безнравственного в поведении своих героев. Юмор становится формой воспроизведения остроты и

противоречивости отношений человека и природы, человека и общества, наконец, человека с самим собой. Юмор становится универсальной стихией повествования и распространяется на все традиционные способы создания художественных образов. Своеобразие тургеневской концепции мотива охоты, заключающееся в активном использовании описания природы как проявления нравственно-философской, эстетической позиции автора и способа характеристики героев, является одной из фундаментальных основ чеховской поэтики, но приобретает новые черты, обусловленные новым взглядом писателя на состояние русского общества. В начале рассказа повествователя нарисована картина «желанного утра»: *«Побледили и затуманились звезды... Кое-где слышались голоса... Из деревенских труб повалил сизый, едкий дым. На серой колокольне показался не совсем еще проснувшийся пономарь и ударил к обедне... Слышалось храпенье растянувшегося под деревом ночного сторожа. Проснулись щуры, закопошились, залетали с одного конца сада на другой и подняли свое невыносимое, надоедливое чириканье... В терновнике запела иволга... Над людской кухней засуетились скворцы и удода... Начался даровой утренний концерт...»* [10. Т. 1. С. 67].

Присутствие тургеневского «пратекста», обнаруживаемого в организации поэтического пространства («звезды»), многозначительности пауз, неопределенности и таинственности колорита, оттеняет прозаический характер мировосприятия повествователя, человека зоркого и наблюдательного в бытовых вопросах, но лишённого поэтического взгляда на мир. Таким образом, Чехов не «отменяет» тургеневской концепции мотива охоты, опирается на нее в поисках нравственной и эстетической нормы, но, пародируя стиль тургеневских описаний, указывает на недостаточность концепта 1840–1860-х гг. с эпической доминантой для изображения картин жизни 1880-х гг. Юмористическая стихия повествования означала необходимость акцента и на драматическую природу этого концепта.

Именно такая форма, не используемая ранее классиками охотничьей прозы, позволяет наиболее полно передать развиваемую автором идею о драматическом состоянии мира. В рассказе «Петров день» концепт охоты характеризует авторское сознание, но не распространяется на мироощущение героев и повествователя. Юмор оборачивается трагедией: охота сводится к убийству птиц, глумлению человека над природой и полным отсутствием признаков охотничьей страсти. Показательным примером драматизации мотива охоты через комическое изображение становится описание поведения персонажей на охоте: *«Кардамонов со своими собаками погнался за молодым коришном. Коришуна подстрелили и не нашли. Капитан 2-го ранга убил камнем суслика»*.

– Господа, давайте анатомировать суслика! – предложил письмоводитель предводителя дворянства, Некричихвостов.

Охотники сели на траву, вынули перочинные ножи и занялись анатомией.

– Я в этом суслике ничего не нахожу, – сказал Некричихвостов, когда суслик был изрезан на мелкие кусочки. – Даже сердца нет. Вот кишки так есть. Знаете что, господа? Поедьте-ка на болота! Что мы тут можем убить? Перепела – не дичь; то ли дело кулички, бекасы... А? Едем!» [10. Т. 1. С. 73–74].

Важно отметить, что само событие истребления живого в процессе охоты – явление, характерное для рассказов раннего Чехова и почти не свойственное творчеству Тургенева. Охотники из рассказа «Петров день» подстреливают нескольких жаворонков, коришуна, убивают суслика, голубя, дрохву, перепелку. Подстреленная дичь остается охотниками не тронутой либо становится объектом их охотничьего хвастовства: *«Манже выстрелил в жаворонка и попал. – Нравится мне эта птичка! – сказал он, показывая доктору жаворонка»* [Там же. С. 71]. Мотив истребления животных углубляет драматическое содержание мотива охоты.

В рассказе «Петров день» сознание неблагополучия в жизни и поведении современного человека принадлежит только автору. Его позиция неприятия насилия, глупости, духовной тупости героев, обнаруживаемая в рассказе через стихию юмора, выражена в прямой страстной форме, когда он обращается к публицистике. В художественном очерке «На волчьей садке» (впервые опубликован в 1882 г. в «Литературном приложении журнала “Москва”», № 5) сюжетную основу составляет реальное происшествие – «Травля волков, организованная в январе 1882 г. на Ходынском поле в Москве» [Там же. С. 573]. События, происходящие в то время на глазах у многочисленных зрителей, поразили Чехова до глубины души, и, описывая увиденное, он поясняет: *«Прежде всего, я не охотник. Я во всю жизнь мою ничего не бил»* [Там же. С. 117]. Преследование сворой собак выпущенного из ящика волка, демонстративно устроенное с целью увеселения разношерстной публики – не только мужчин, но также женщин и детей, резко критикуется Чеховым, поскольку ведет к совершенно предсказуемому завершению «охоты» – растерзанию загнанного животного, что свидетельствует о бесчеловечности современного общества. Проблема пробуждения нравственного самосознания, духовной встряски общества представляется Чехову важнейшей и заслуживающей внимания:

«Не шутя, осрамился человек перед волками, затеяв эту quasi-охоту!.. Другое дело – охота в степи, в лесу, где людскую кровожадность можно слегка извинить возможностью равной борьбы, где волк может защищаться, бежать...» [Там же. С. 119].

В финале Чехов делает вывод: *«Мораль самого скверного свойства. Поцекотали женские нервы и больше ничего! Сбор, впрочем, тысячный. Но не смею думать, чтобы всё это делалось для сбора. Сбором можно окупить все расходы, но нельзя окупить тех маленьких разрушений, которые, быть может, произведены этой травлей в маленькой душе вышеупомянутого гимназистика»* [Там же. С. 121].

Ключевое слово «травля», профессиональное и нейтральное для охотников, поставленное Чеховым в

конце зарисовки, приобретает метафорическое значение: охота как разрушение души маленького человека.

Развитие нравственно-философского и художественного сознания Чехова шло в направлении усложнения и глубины изображения личности героев, драматизма их судеб. Ровно через год, в 1882 г., Чехов написал рассказ «Двадцать девятое июня (Рассказ охотника, никогда в цель не попадающего)». И вновь заглавие строится на противоречии: охотник (традиционно хорошо стреляющий) и охотник, «никогда в цель не попадающий».

Концептуальность мотива охоты, обозначившаяся в «Петровом дне», получила в «Двадцать девятом июня» развитие, во-первых, как акцентированный синтез эпического и драматического, обусловивший всю структуру повествования, и, во-вторых, в рассказе был сделан следующий, чрезвычайно важный для развития художественного сознания Чехова шаг: концептуальность мотива охоты получила выражение в принципе характерологии – носителем амбивалентного сознания становится повествователь, один из героев рассказа, человек, представляющий самую провинциальную среду.

Многое напоминает «Петров день». Мотив охоты давал возможность эпически полно описать компанию, отправляющуюся на охоту, и представить быт и нравы провинциального города, характеристику его участников: «Аким Петрович Отлетаев, мировой судья, земский врач, я, зять Отлетаева Предположенский и волостной старшина Козоедов ехали все шестеро на отлетаевской коляске-розвальне на охоту» [10. Т. 1. С. 224].

Основной тон повествования, как и в «Петровом дне», носит юмористический характер. Событие охоты, формально объединяющее персонажей «Двадцать девятого июня», подменяется событием скандальных разговоров на разные бытовые темы, уничтожающих надежду на возможность радостных ощущений через общение с природой и замыкающих героев в привычную атмосферу скуки: «Дня через два <...> Мы играли в стуколку и по обыкновению грызли друг друга...» [Там же. С. 231].

Однако в «Двадцать девятом июня» изменился духовный облик героя-повествователя. Истинным событием рассказа оказывается не поездка на охоту, даже не юмористическое изображение ее, а процесс пробуждения драматических раздумий у героя в ситуации привычной жизни. В рассказе намечается новый принцип характерологии, особенно ярко проявившийся в описаниях природы и композиции рассказа.

Рассказ открывается картиной природы: «Было четыре часа утра... Степь обливалась золотом первых солнечных лучей и, покрытая росой, сверкала, точно усыпанная бриллиантовой пылью. Туман прогнало утренним ветром, и он остановился за рекой свинцовой стеной. Ржаные колосья, головки репейника и шиповника стояли тихо, смиренно, только изредка поклониваясь друг другу и пошептывая. Над травой и над нашими головами, плавно помахивая крыльями, носились кориуны, кобчики и совы. Они охотились...» [10. Т. 1. С. 224]. Манера описания, пространственная

организация, простой и поэтичный стиль, музыкальность ритма прозы – все это указывает на художественный вкус повествователя, его наблюдательность, любовь к природе, знание языка тургеневской прозы. Все это рождает у читателя чувство симпатии к повествователю. Единственная деталь, выбивающаяся из общего стиля – поэтический «штамп» в описании росы – «бриллиантовая пыль», звучит диссонансом, искусственностью, но она как бы теряется в общей картине. Показательно, что описание одной из ссор охотников прерывается краткой зарисовкой природы, которая «вклинивается» контрастно, оттеняя момент рождения у повествователя ясной и разумной мысли о ненормальности жизни, вызвавшей тоску по красоте: «Между тем пока мы, не выспавшиеся, полупьяные каверзили друг против друга, солнце поднималось все выше и выше... Туман исчез окончательно, и начался летний день... Было кругом тихо, славно... Только мы одни нарушали тишину...» [Там же. С. 238]. Однако в ходе дальнейшего рассказа на фоне мелких и прозаических обстоятельств неоднократно обнаруживается ложная пафосность повествователя, игра красивыми словами, профанация высоких понятий («Все мы толкались, пыхтели, морились, всей душой ненавидели друг друга и с нетерпением ждали того времени, когда нам можно будет вылезть из коляски. <...> Тела наши были сдавлены, но зато души были преисполнены радостями самого высшего качества!» [Там же. С. 224]). Впечатление внутренней противоречивости персонажа усиливается.

В финале рассказа повествователь с горечью произносит слова, заключающие в себе драматические раздумья о пошлом, безрадостном существовании всей Отлетаевки, возводимой в образ русской «глуши»: «Мы ссоримся, сплетничаем, ненавидим, презираем друг друга, но разойтись мы не можем. Не удивляйтесь и не смейтесь, читатель! Поезжайте в Отлетаевку, поживите в ней зиму и лето, и вы узнаете, в чем дело... Глушь – не столица... В Отлетаевке рак – рыба, Фома – человек и ссора – живое слово...» [Там же. С. 231].

Начало рассказа (описание природы) и его финал (размышления повествователя о нравах в Отлетаевке) стилистически выполнены в тургеневской манере, происходит как бы «возврат» к тургеневской концепции, но на новых основаниях. Размышляющим, страдающим от несовершенства жизни, общей и личной, становится рядовой провинциал, герой-охотник. В повседневной и обычной действительности рождаются новое мышление, неудовлетворенность и тоска по иной, неизвестной жизни. Подобная композиция – обрамления прозаического материала философско-элегическими раздумьями – создает на уровне самого текста драматическое напряжение, характеризующее сознание уже не только автора, но и героя-повествователя.

Концепт охоты оказался важным фактором в разработке Чеховым принципов характерологии при создании произведений, написанных в объективной манере¹¹. Показательным в этом плане стал рассказ «Он понял!» (1883), опубликованный в журнале «Природа

и охота». О присутствии возможного повествователя говорит только начало рассказа: *«Душное июньское утро. В воздухе висит зной, от которого клонится лист и покрывается трещиной земля. Чувствуется тоска за грозой. Хочется, чтобы всплакнула природа и прогнала дождевой слезой свою тоску.*

Вероятно, и будет гроза. На западе синее и хмурится какая-то полоска. Добро пожаловать!» [10. Т. 2. С. 167]. Весь остальной текст написан в объективной манере, и предметом изображения являются два героя – мужичонок-охотник Павел Хромой из Кашиловки и его барин. По мнению Г.А. Бялого, рассказ «Он понял!» относится к циклу «как бы чеховских «Записок охотника», возникших не без влияния Тургенева» [15. С. 362]. Действительно, тургеневский концепт охоты получает полное развитие: замухрышный мужичонок, у которого и одежда, и собака, и ружье, наконец, даже добыча – всё убого и смешно, оказывается во власти великой страсти охоты. В своем объяснении уряднику, а потом барину Хромой говорит о неведомой силе, управляющей его поведением: *«А тут еще в поднебесье две уточки пролетели, да куличок прокричал где-то за речкой. Страсть как охоты захотел! С таким воображением и домой пришел. <...> А водки как выпил, разговлявшись, так и совсем шальной стал. Голоса стал слышать. Слышно мне, как какой-то тоненький, словно как будто андельский, голосочек звенит тебе в ухе и рассказывает: поди, Папка, постреляй! Наваждение!»* [7. Т. 4. № 11. С. 82].

В страстном увлечении охотой Хромой оказывается сродни другим чеховским героям, для которых охота связана с лучшими воспоминаниями жизни. В таких рассказах, как «Живой товар» (1882) или «Отставной раб» (1883), мотив охоты контаминирует как с мотивами обывательской, привычной провинциальной скуки, так и с мотивами другой жизни, оваянной мечтами о прекрасном. О герое рассказа «Живой товар» бедном чиновнике Бугрове сказано, что *«в городах он пил, ел, спал и в карты играл. К рыбной ловле, охоте, к французенкам, которые, между нас сказать, немножко обокрали его, он потерял всякую охоту»* [10. Т. 1. С. 385]. В этом случае упоминание об охоте свидетельствует о праздности и равнодушии даже к привычным развлечениям: охота, французенки, рыбная ловля. Но в воспоминаниях о днях юности мотив и образ охоты получает смысл душевной свободы и красоты, гармонического единения с природой и миром: *«Гимназист в белой фуражке держал в руках ружье. Они ехали на дачу удить рыбу, охотиться, пить на свежем воздухе чай. Ехали в те благодатные места, где во время оно бегал по полям, лесам и берегам босой, загорелый, но тысячу раз счастливый сын деревенского дьякона, мальчик Бугров. О, как чертовски соблазнителен этот май! Как счастливы те, которые, сняв свои тяжелые вицмундиры, могут сесть в коляску и полететь в поле, где кричат перепела и пахнет молодым сеном. Сердце Бугрова сжалось от приятного, холодящего чувства... Сто тысяч! Вместе с коляской пред ним пролетели все его заветные мечты, которыми он любил угощать себя в продолжение всего своего чиновничьего жителя-*

бытия, сидя в губернском правлении или в своем тщедушном кабинетике...» [10. Т. 1. С. 366].

В небольшом рассказе «Отставной раб» (1883) Чехов сделал героем Никифора Филимоныча, маленького неказистого и пьющего человека (*«морщинистое бритое лицо и коричневая шея вздрагивали и подергивались судорогой всякий раз, когда он подчеркивал в своем рассказе какое-либо особенно поэтическое место...»* [10. Т. 2. С. 228]), когда-то служившего князю Свинцову. Никифор Филимоныч – в прошлом охотник, и душа его открыта красоте природы и жалости к людям. Рассказ начинается с картины природы: *«Наша речка извивалась змейкой, словно зигзага... Бежала она по полю изгибами, вертикалями этакими, как поломанная... Когда, бывало, на гору взлезешь и вниз посмотришь, то всю ее, как на ладонке, видеть. Днем она как зеркало, а ночью ртутью отлиывает. По бережку камыш стоит и в воду поглядывает... Красота! Тут камыш, там ивнячок, а там вербы... Так расписывал Никифор Филимоныч, сидя в портерной за столиком и глотая пиво. Говорил он с увлечением, с жаром...»* [Там же]. В манере повествования героя обнаруживается природная тонкость в восприятии красоты и одновременно необразованность, следствие приниженности и неблагополучия жизненных обстоятельств. Характеризуя манеру рассказа Никифора Филимоныча, Чехов в лаконичной форме обозначает триаду (природа–охота–человек): *«Начинал он беседы обыкновенно с самого начала – с описания природы. С природы переходил он на охоту, с охоты – на личность покойного барина, князя Свинцова»* [Там же]. В триаде закреплены важнейшие координаты философского и эстетического миропонимания, оформившегося в русской классике (Тургенев, Аксаков), и подчеркнута значимость концепта охоты в процессе познания и изображения современной жизни. Определенная иерархия не случайна, она имеет философское основание: природа являет собой целокупность проявления разных форм жизни, охота – в не уточненном персонажем значении – представляет собой акт действия в рамках духовного и физического существования человека и служит способом его сближения или разъединения с природой, личность – характер человека, формируемый в условиях его жизненных исканий и выражающий дух времени. Чехов опирается на эту универсальную модель миропонимания и искусства, но придает синтезу эпического и драматического смысл выражения духа кризисного времени, перемещающая центр тяжести на характер каждого героя.

В рассказе «Он понял!» схожесть с Тургеневым только оттеняет новизну чеховского концепта охоты. Весь рассказ лишен поэтического пафоса, написан исключительно в юмористическом ключе. Заглавие рассказа («Он понял!») указывает на важность еще одного персонажа. «Он» – это барин, который решает судьбу Хромого, нарушителя порядка. Юмор распространяется и на барина, человека опустившегося, грозного и пьющего. Развитие ситуации носит анекдотический характер: барин, выслушав рассказ о непреодолимой «болести» Хромого – страсти к охоте, примеряет «болезнь» на себя, имея в виду свою

привязанность к алкоголю, и расчувствовавшись, войдя в положение Хромого, отпускает его на волю из-под ареста. В этом развитии сюжета, потребовавшего эпически подробного описания обитателей поместья и деревни (мужик, урядник, барин), нравов, законов пользования барскими угодьями, времени охоты и т.д., Чехов анекдотичной развязкой, не идеализируя героев, акцентировал внимание на моменте проявления естественного человеческого чувства, когда сердце барина дрогнуло. Чехов ни на мгновение не нарушает художественной меры – неразвитость, ограниченность и мужика и барина остаются смешными, но через юмор, получивший амбивалентное содержание через контаминацию с концептом охоты, читателю передается авторское уважение и внимание к человеческой личности, а также представление об искажении нормы прекрасного в современной жизни.

Таким образом, развитие мотива охоты, наполнение его концептуальным смыслом способствуют формированию комплекса значений путем включения данного мотива в тексты рассказов и определения его роли в контексте произведений Чехова, а также осмысления его семантической динамики. Художественная форма небольшого рассказа, разрабатываемая Чеховым, с введением национально значимого мотива охоты наполняется эпическим содержанием, которое в результате переосмысления тургеневской традиции характеризуется особым драматическим напряжением, определяя новаторство Чехова. В ранних рассказах формируется семантическое поле концепта охоты, которое получит глубокое воплощение в повести «Драма на охоте» (1884) и в комедии «Леший» (1889), где амбивалентность, свойственная концептуальному мотиву охоты, определяет лирико-философскую символику пейзажа и структуру характеров героев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В широком смысле мотив – устойчивая, динамичная повествовательная единица, для которой характерна повторяемость в пределах большого контекста национальной и мировой литературы. Мотив охоты как устойчивая единица (по содержанию), обретая новые смыслы в авторском замысле и его художественном воплощении посредством контаминации с другими мотивами, получает статус концептуального мотива, или концепта. Художественным (литературным) концептом называется ментальная единица, отражающая авторское восприятие национальной картины мира (личный и народный опыт), позволяющая «рассмотреть в единстве художественный мир» [1. С. 29] и имеющая вербальное выражение в системе мотива и сюжета. Таким образом, формой реализации художественного концепта в тексте становится мотив как единица повествовательного уровня, открытая для взаимодействия с единицами равного ей порядка и образования широкого семантического поля концепта.

² О связях охотничьего мифа и поэтики сюжета см.: [2].

³ О содержании и функциях охотничьего мифа в эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» см.: [5].

⁴ «Природа и охота» – научно-популярный журнал, выпускаемый в период 1878–1912 гг. под редакцией зоолога Л.П. Сабанеева (до его смерти – в 1898 г.) и освещающий историю русской охоты, рыбной ловли, неразрывно связанных с богатством национальной природы.

⁵ Барон Черкасов П.Г. Уженье отдельных пород рыбы (продолжение) [7. Т. 1, № 3. С. 1–17]; Кишенский Н. Опыт генеалогии собак. Глава III (продолжение) [Там же. С. 18–34]; Галин А. Питомник собак, принадлежащий редактору «Chasse Illustree» [Там же. С. 84–95]; Савельев А.Н. Дополнение к статье «Ружейная охота в Епифанском уезде», Тульской губернии [Там же. С. 96–100]; Еремеев П. Добавление к статье А. Ермолова: «Какие бывают русские ружья?» [Там же. С. 101–106]; В.Д. По поводу тульских дробовых стволов из литой стали [Там же. С. 107–110]; Исаков К. По поводу стальных стволов вообще и тульского оружейника Аверина в частности [Там же. С. 111–114]; Велинский Д. Последнее сказание о ружейном мастере И.М. Яхимке [Там же. С. 115–119]; Гавришев Д. Наши оружейники [Там же. С. 119–122]; Фольц С. Еще машинка для снаряжения ружейных гильз увеличенными пыжами [Там же. С. 123–126]; Кн. А. Урусов Облавные охоты на копытчатых зверей в Европейской России [7. Т. 2, № 4. С. 15–38]; Л.А. Весенние экспедиции [Там же. С. 1–24]; Мачарский Н. Очерк уженья рыбы на Перевре [Там же. С. 64–70]; Шехавцов П. Недоумения и вопросы псового охотника [Там же. С. 103–107]; Зарудный Н. Экскурсия на озеро Сулок-куль [7. Т. 2, № 5. С. 1–16]; Е.З. Кой о чем по части псовой охоты [Там же. С. 17–22]; Ермолов А. О заказе Тульских ружей [Там же. С. 23–26]; Курсель Х. Надлежащая форма патронов к ружьям центрального боя [Там же. С. 27–30]; Алексей Атр. Охота на оленей на Кубани [7. Т. 2, № 6. С. 30–56]; Алексей Атр. Эпизоды из охотничьей жизни [Там же. С. 1–17]; Мелкотравчатый Из Старобельского уезда [Там же. С. 19–27]; Константин М. Несколько слов о русском оружейнике [Там же. С. 64–67]; Северный охотник Заметки об охоте на островах и побережьях реки Свири [7. Т. 3, № 7. С. 77–90]; Каменский И. Заметки об охотничьих ружьях [Там же. С. 91–101]; Завилейский Д. Два ружья [Там же. С. 102–106]; Северный охотник Краткие заметки об охоте в Царскосельском и Петергофском уездах [7. Т. 3, № 8. С. 12–21]; Никитенко Н.В. После двухлетнего употребления стволов Пипера [Там же. С. 44–48]; Черкасов А. Из записок сибирского охотника [7. Т. 4, № 11. С. 1–35]; Ауэрбах А. Случайное участие в отъезде поле [Там же. С. 99–108]; М. Арнольди Кабаны [7. Т. 4, № 12. С. 21–30]; Астахов П. Охота по Тереку [Там же. С. 31–36]; Вальцев Д. Из охотничьей практики [Там же. С. 37–40].

⁶ Шишкин Н. Охота на Кавказе [7. Т. 1, № 3. С. 48–60]; Анатолий П. Первая облава [Там же. С. 76–79]; М.М. Тигровая охота [7. Т. 2, № 4. С. 25–47]; В-р Г. Оригинальный волчий выводок (Из воспоминаний охотника) [Там же. С. 48–56]; Сластиников С.И. Неудачная охота (Из моих записок) [Там же. С. 57–63]; Ширинкин Л. Волчиха в осаде [7. Т. 2, № 5. С. 1–18]; Струков П. Стрельба дупелей по росе [7. Т. 2, № 6. С. 18–26]; А.Ж. Несколько страниц из моих охотничьих заметок [7. Т. 3, № 7. С. 49–68]; Ермолов Н.П. Из прошлого и настоящего [Там же. С. 69–72]; Анатолий П. Тяга [Там же. С. 73–76]; Батько А. С Алтая [7. Т. 3, № 8. С. 1–21]; Выходцев К. Волк [Там же. С. 22–30]; А.А. Первая охота с гончими [Там же. С. 31–48]; С.Ш. Отрывок из воспоминаний охотника [Там же. С. 49–71]; Вяткин Г. Из Барнаула [Там же. С. 60–63]; Выходцев К. Из прошлого [7. Т. 3, № 9. С. 1–10]; Огиевский М. Охота на коз в Волынской губернии [Там же. С. 11–20]; Познанский Б. С Дону [Там же. С. 21–34]; Смогоржевский Охота на Дунае [Там же. С. 35–58]; М. Арнольд Заметки кавказского охотника. Фазаны [Там же. С. 1–11]; Н. М-н «На всякого мудреца довольно простоты» (очерк охоты под Варшавой) [7. Т. 4, № 10. С. 27–45]; Струтосов Резон [Там же. С. 46–78]; Дмитриев Н. Поездка на осенний ток глухарей [7. Т. 4, № 11. С. 85–98]; Эюс Н. Очерк медвежьей охоты в Олонечкой губернии [7. Т. 4, № 12. С. 20–52].

⁷ «Природа для Чехова, – отмечает А.П. Чудаков, – часть его существования <...> Человек “оприрожен”, природа очеловечена» [8. С. 289]. Влияние идей позитивизма (Г. Спенсер) на становление мировоззрения писателя обуславливает характер «взаимоотношений природы и человека в художественном мире Чехова, а именно гносеологическую направленность его творчества» [9. С. 9].

⁸ Чехов был знаком с «Записками» Е.Э. Дрянянского: «По воспоминаниям А.С. Лазарева (Грузинского), для “Предложения” Чехов пользовался находившейся в его библиотеке книгой Дрянянского “Записки мелкотравчатого”, откуда взял “оригинальные охотничьи термины”» [10. Т. 11. С. 339].

⁹ Изучению свойств феномена охоты в рассказах данного периода («Петров день», «Двадцать девятое июня», «Он понял!») посвящена статья В.Ф. Стениной «Охота в чеховском тексте: ритуал и поведенческие стратегии» [11]. Исследователь отмечает, что «охота имеет амбивалентные характеристики: она отсылает к оппозиции жизнь и смерть» [12. С. 289], где охота «с одной стороны, это ритуал, отличающийся в

рассказах определенным набором устойчивых элементов: неизменная дата, обязательная фигура доктора <...> и кулинарное пиршество (...), а «с другой – это выражение страсти охотников к обряду, который сводится к чрезмерностям в еде и эгоистическим слабостям <...>» [12. С. 290]. Другое осмысление феномен охоты получает в процессе рассмотрения особенностей концептуализации мотива охоты, образования концепта охоты, что не входит в тематическое и методологическое поле исследования В.Ф. Стениной.

¹⁰ Ср. с: Тургенев И.С. «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А-ва (Аксакова. – прим. Н.Х.). Москва. 1852 (Письмо к одному из издателей «Современника»)» [13. С. 159–173].

¹¹ Подробнее об особенностях объективной и субъективной манерах повествования см.: [14. С. 10–87].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 3–29.
2. Вирсаладзе Е.Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976.
3. Лосев А.Ф. Охота как символ платонического учения об идеях // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М., 2000. С. 295–313.
4. Одинокое В.Г. Ранняя драматургия А.П. Чехова. Проблематика и поэтика. Новосибирск, 2008.
5. Минакова А.М. О функциях мифа в эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Толстовский сборник: Этика и эстетика. Вопросы поэтики. Творческие связи и традиции. Тула, 1992. С. 44–56.
6. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : В 12 т. М., 1974–1983. Т. 1.
7. Природа и охота : в 4 т. М., 1883.
8. А.П. Чехов. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. М., 2011.
9. Заяц Е.М. Динамика взаимодействия романной прозы и драмы в раннем творчестве А.П. Чехова : автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 1999.
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М., 1974–1982.
11. Гуминский В.М. Предисл. и примеч. // Дрянский Е.Э. Записки мелкотравчатого. М., 1985. С. 4–16.
12. Стенина В.Ф. Охота в чеховском тексте: ритуал и поведенческие стратегии // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 288–290.
13. Тургенев И.С. Собрание сочинений : в 12 т. М., 1979. Т. 12.
14. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М., 1971.
15. Бялый Г.А. Чехов // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1941–1956. Т. IX: Литература 70–80-х годов. Ч. 2. 1956. С. 345–432.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 октября 2015 г.

THE HUNTING CONCEPT IDENTITY IN WORKS BY A.P. CHEKHOV OF EARLY 1880S

Tomsk State University Journal, 2015, 400, 11–19. DOI: 10.17223/15617793/400/2

Khokhlova Natalya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natalyakhohl@ya.ru

Keywords: hunting motif; hunting concept; early works by Chekhov; *Nature and Hunting* magazine.

Studying early works by A.P. Chekhov is of special interest for research of correlation between epic and drama origins which are a part of the hunting motif semantic structure. Chekhov develops the motif throughout all his works, both in prose and drama. It is suggested that the content of the *Nature and Hunting* magazine, where Chekhov published some of his works, should be analyzed for better understanding of Chekhov's writing style, art vision, hunting motif identity and the process of conceptualization of the motif by increasing its ambivalence. The content of the magazine is represented by some fiction and documentary pieces, written in continuing the literary tradition of S.T. Aksakov and I.S. Turgenev. Chekhov as a writer developed in frames of the 1880s fiction: he adopted the tradition and based his works on it, meanwhile in the content and poetics of the hunting motif and concept he emphasized dramatic denotations referring to Russian everyday life and Russians' characters. Special attention is given to understanding the semantic movement of the hunting motif towards hunting construct, which is observed in early works by Chekhov: from his play "Fatherless" (1878) to short novels "Petrov's Day" (1881), "June, 29" (1882), "At Wolf Seating" (1882), "A Living Chattle", "He Understands!" (1883), "A Retired Slave" (1883). The conceptualization of the hunting motif in early works by Chekhov correlates to the process of his moral and philosophical quest, and it is expressed in paying special attention to a Russian's view of life, besides the hunting events, nature scenes and everyday life, which differs A.P. Chekhov from the other fictionists published in the *Nature and Hunting* magazine. From this point, the process of conceptualization in Chekhov's early works is expressed through the author's definitions and the narrator character, moving towards a more complex understanding of a human being and a drama of his or her everyday life as a reflection of the epoch. Chekhov builds on his own knowledge and experience of previous classic authors, when using the hunting motif in his early works and artfully varying the aspects of the motif to create an inclusive panorama of the Russian world. Chekhov develops a form of short story, and the form, supplied with the nationally significant hunting motif, is filled with epic content which is characterized by special dramatic tension as a result of rethinking Turgenev's tradition: that is the innovation Chekhov presented. In his early works the semantic frame of the hunting concept is determined. It is fully expressed in the novel *Drama on the Hunting* and in the comedy "Wood-Goblin" ["Leshy"], where the ambivalence peculiar to the conceptual hunting motif specifies the lyric and philosophic symbolism of the landscape and characters structure.

REFERENCES

1. Zusman, V.G. (2003) Kontsept v sisteme gumanitarnogo znaniya [Concept in the humanities]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 3–29.
2. Virsaladze, E.B. (1976) *Gruzinskiy okhotnichiy mif i poeziya* [Georgian hunting myth and poetry]. Moscow: Nauka.
3. Losev, A.F. (2000) Okhota kak simvol platonicheskogo ucheniya ob ideyakh [Hunting as a symbol of the Platonic doctrine of ideas]. In: Losev, A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Vysokaya klassika* [History of ancient aesthetics. High classic]. Moscow: AST.
4. Odiokov, V.G. (2008) Ranniyaya dramaturgiya A.P. Chekhova. Problematika i poetika [Early drama AP Chekhov. Problems and Poetics]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
5. Minakova, A.M. (1992) O funktsiyakh mifa v epopee L.N. Tolstogo "Voina i mir" [On the functions of myth in War and Peace, the epic by L.N. Tolstoy]. In: Nerushenko, G.A. (ed.) *Tolstovskiy sbornik: Etika i estetika. Voprosy poetiki. Tvorcheskie svyazi i traditsii* [Collection of Tolstoy: Ethics and aesthetics. Questions of poetics. Creative relations and traditions]. Tula: Tula State Pedagogical University.

6. Chekhov, A.P. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: V 12 t.* [Complete works and letters: in 30 v. Letters: in 12 v.]. V. 1. Moscow: Nauka.
7. Anon. (1883) *Priroda i okhota: V 4 t.* [Nature and hunting: in 4 v.]. Moscow: tipografiya Kartseva.
8. Kataev, V.B. (2011) *A.P. Chekhov. Entsiklopediya* [A.P. Chekhov. Encyclopedia]. Moscow: Prosveshchenie.
9. Zayats, E.M. (1999) *Dinamika vzaimodeystviya romannoy prozy i dramy v rannem tvorchestve A.P. Chekhova* [The dynamics of the interaction of novelistic prose and drama in the early works of A.P. Chekhov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
10. Chekhov, A.P. (1974–1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 v. Compositions: in 18 v.]. Moscow: Nauka.
11. Guminskiy, V.M. (1985) Predislovie i primechaniya [Introduction and notes]. In: Driyanskiy, E.E. *Zapiski melkotravchatogo* [Notes of the petty]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
12. Stenina, V.F. (2013) The hunt in the Chekhov's text: the rite and the behaviour's strategies. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*. 3 (40). pp. 288–290. (In Russian).
13. Turgenev, I.S. (1979) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collected Works: in 12 v.]. V. 12. Moscow: Khudozhesnvennaya literatura.
14. Chudakov, A.P. (1971) *Poetika Chekhova* [The poetics of Chekhov]. Moscow: Nauka.
15. Byalyy, G.A. (1956) Chekhov. In: *Istoriya russkoy literatury: v 10 t.* [History of Russian literature: in 10 v.]. V. 9. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Received: 01 October 2015